

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

об отказе в принятии к производству обращения Иманкулова Тимура
Иманкуловича о проверке конституционности нормативных положений
части 1 статьи 330 Уголовного кодекса Кыргызской Республики,
выраженных словами «действия, направленные на», «возбуждение
межрегиональной вражды (розни)», «унижение национального достоинства»,
абзаца восьмого пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики
«О противодействии экстремистской деятельности»

27 января 2022 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики в
составе: Шаршеналиева Ж.А., Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., при
секретаре Кененсариевой Н.А., рассмотрев обращение Иманкулова Тимура
Иманкуловича,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 29 декабря 2021 года
поступило ходатайство Иманкулова Т.И. о проверке соответствия
нормативных положений части 1 статьи 330 Уголовного кодекса Кыргызской
Республики, выраженных словами «действия, направленные на»,
«возбуждение межрегиональной вражды (розни)», «унижение национального
достоинства», абзаца восьмого пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской
Республики «О противодействии экстремистской деятельности» преамбуле,
части 1 статьи 1, части 2 статьи 6, части 2 статьи 10, части 6 статьи 23, части 2
статьи 29, частям 1, 2, 4 статьи 32 Конституции Кыргызской Республики.

Из ходатайства следует, что статья 32 Конституции Кыргызской Республики, устанавливая право каждого на свободу мысли и мнения (часть 1), на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати (часть 2), гарантирует каждому возможность беспрепятственно выражать свое мнение и убеждения по вопросам общественного, государственного, иного характера посредством устного, печатного слова на собраниях, митингах и других средств. Данные конституционные нормы корреспондируют международным стандартам в сфере прав и свобод человека (статья 19 Всеобщей декларации прав человека, статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Субъект обращения считает, что свобода мысли и мнения, свобода их выражения не являются абсолютным правом в силу части 4 статьи 32 Конституции Кыргызской Республики. В данной статье содержится запрет не на выражение мыслей, вызывающих ненависть или идеи национального, иного превосходства, а именно их пропаганды, содержащей призыв к дискриминации, вражде и насилию.

Под пропагандой Иманкулов Т.И. полагает заранее спланированное, целенаправленное воздействие на общественное сознание с целью возбуждения в людях устойчивого чувства ненависти, враждебности по признакам национальности, расы, языка, отношения к религии, пола. Тогда как статья 330 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее - УК), наряду с понятием «пропаганда» содержит указания на «действия, направленные на возбуждение», тем самым, расширяя смысл части 4 статьи 32 Конституции Кыргызской Республики. Запрет, содержащийся в указанной конституционной норме, конкретизирован в статье 1 Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности». Перечисленные в данной статье Закона виды деятельности физических и юридических лиц, входящих в понятие «экстремистская деятельность», нашли свое отражение в главе 43 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК и имеют такой же видовой объект, что

и государственная измена, шпионаж, диверсия, насильственный захват власти, вооруженный мятеж.

Как указывает заявитель, объект посягательства имеет важное значение при квалификации деяния. В уголовном законодательстве большинства зарубежных стран (кроме постсоветского пространства) подобные деяния не относятся к преступлениям против государственной власти, а относятся к преступлениям против личности, равенства прав и свобод человека (дискриминирующие преступления). В связи с этим, а также, учитывая, что нормы УК основываются на конституционных нормах (в частности, на части 1 статьи 24, части 4 статьи 32), заявитель полагает, что родовым объектом преступлений, связанных с возбуждением вражды, должны быть права и свободы личности. Так, оспариваемые нормы Кодекса и Закона неправомерно расширяют родовой объект деяний, имеющий антидискриминационный характер, посягающий на права и свободы личности. В результате этого, деяния, не представляющие особой опасности для государства, зачислены в разряд экстремистских, что, по его мнению, является неконституционным.

Так, в частности, субъект обращения указывает, что термин «унижение национального достоинства» введен в УК с 1922 года, который видоизменялся, но в различной формулировке сохранился и является деянием характерным для советского права, направленным на обеспечение советской государственной идеологии, когда родовым объектом деяний был связан с порядком управления.

По мнению Иманкулова Т.И. криминализация не должна противоречить конституционным нормам, должна быть осуществима в процессуальном аспекте и предусматривать более мягкие меры борьбы с деянием, в связи с чем, действия, направленные на унижение национального достоинства, не должны относиться к категории уголовно наказуемых деяний. Он отмечает, что запрет на уголовное преследование за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности предусмотренный частью 2 статьи 29 Конституции является абсолютным и

гарантируется частью 6 статьи 23 Конституции, согласно которой не подлежат никаким ограничениям установленные Конституцией гарантии запрета.

В этой связи, он ссылается на Решение Конституционного суда от 6 ноября 2013 года, в котором раскрыты понятия чести и достоинства, а также следует вывод о необходимости снятия уголовного преследования за оскорбление.

Заявитель отмечает, что понятие «достоинство» применимо к человеку, как отдельной единице, тогда как в оспариваемых нормативных положениях речь идет об унижении национального достоинства граждан, то есть группы лиц, что недопустимо, поскольку нет понятия «коллективное достоинство». Также субъект обращения отмечает, что унижение национального достоинства является оскорблением и в силу конституционного запрета не может преследоваться в уголовном порядке, в связи с чем, оспариваемые нормативные положения, выраженные словами «унижение национального достоинства», неконституционны.

Относительно оспариваемых нормативных положений, выраженных словами «действия, направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни)», субъект обращения приводит следующие доводы.

Запрет возбуждения межрегиональной вражды заявитель рассматривает как признание государством существования предпосылок для возникновения конфликта между регионами Кыргызстана, которые могут угрожать территориальной целостности государства и считает их беспочвенными. Он ссылается на часть 1 статьи 24, часть 4 статьи 32 Конституции и полагает, что в указанных нормах нет прямого указания на региональную принадлежность, однако законодатель, предполагая наличие регионального превосходства как разновидности социального превосходства, подвергает сомнению этническое, историческое, духовное единство кыргызского народа и признает наличие предпосылок для его разделения. Так, оспариваемые нормативные положения противоречат не только обозначенным конституционным нормам, но и части 1 статьи 1 Конституции,

устанавливающей, что Кыргызская Республика, в том числе, унитарное государство.

Субъект обращения указывает, что при издании законов его текст должен быть изложен ясно и однозначно, а уголовное законодательство с учетом норм части 2 статьи 6 Конституции должно быть направлено на детализацию конституционных установлений, быть воплощением их процессуальной формы. Однако оспариваемые нормативные положения изложены двусмысленно, без соблюдения равенства граждан и с расширением конституционно допустимых дискриминаций. Термин «возбуждение розни» заявитель полагает неточным и считает целесообразным применение терминов «разжигание», как действия виновного лица, отличающегося от реакции лиц, к которым направлена информация (возбуждение), и «вражда», как агрессии, исключая рознь, подразумевающую дискриминацию.

Иманкулов Т.И. считает, что в оспариваемых нормативных положениях законодатель заложил правовые основы, противоречащие принципу верховенства права, воплощающем в себе принципы равенства и защиты прав человека, а правоохранительные органы их применяя и возбуждая уголовные дела в отношении граждан, разместивших комментарии в сети Интернет, создали опасный прецедент для уголовного преследования граждан за критику должностных лиц государства. Однако в данном случае целью распространения информации является не возбуждение межрегиональной розни и унижение национального достоинства, а размещение сообщений оскорбительного характера, что не может преследоваться в уголовном порядке.

Возбуждение межрегиональной розни подразумевает публичное умышленное активное воздействие на людей, сопровождаемое длительным состоянием враждебности по региональной принадлежности. Зачастую деяние характеризуется широким кругом лиц, привлекаемых к ответственности, независимо от намерений лица, первоначально распространившим

информацию, что влечет проблемы с доказыванием умысла лица, в дальнейшем распространившим информацию.

Размытая формулировка оспариваемых нормативных положений и сложность доказывания наличия прямого умысла в разжигании межрегиональной вражды делают статью 330 УК неэффективной, содержит угрозу социальной стабильности, противоречит принципу правовой определенности и затрудняет правоприменительную практику. Создается риск произвольного применения оспариваемых нормативных положений органами следствия и суда в целях преследования за инакомыслие и оппозиционную деятельность. Оспариваемые нормативные положения становятся потенциальным инструментом для борьбы с лицами, несогласными с действующим политическим курсом, и, таким образом, легализуют политическую цензуру. Любой информационный акцент на социальном, расовом, национальном или религиозном различии, высказанный публично либо в сети Интернет с личной негативной оценкой, может быть расценен как действие, направленное на возбуждение ненависти. Такая ситуация ставит под сомнение реализацию конституционной гарантии на свободу мысли и слова и влечет необоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности.

Отсутствие четких законодательных процедур открывает возможности для личной заинтересованности правоохранительных органов при возбуждении и ведении уголовного дела, поскольку состав преступления оспариваемых нормативных положений признает нарушением любые действия, направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства граждан, тем самым, значительно выходит за пределы запрета, установленного частью 4 статьи 32 Конституции, в которой говорится только о пропаганде. Квалификация преступлений по статье 330 позволяет привлечь к уголовной ответственности и за высказывания, выраженные в форме перепоста в социальной сети, без комментария обвиняемого и намерений лица, разместившего информацию. Неосторожный комментарий, размещенный в Интернете, плакат на митинге

или фото в социальной сети могут явиться основанием для назначения реального тюремного срока. Это создает потенциальную угрозу привлечения к ответственности невиновных лиц, как в свое время статья 70 УК, предусматривавшая уголовную ответственность за антисоветскую пропаганду, повлекла осуждение тысячи людей.

Кроме того, пунктом 2 части 1 статьи 74 УК в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотрено совершение преступления на почве расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни). Так, деяние может быть квалифицировано и по статье 330, и по иной статье (например, статьям 128, 139), но со ссылкой на статью 74 УК, что также может стать дополнительным негативным инструментом в руках правоприменителя.

Субъект обращения также не согласен со способами фиксации органами следствия информации, полученной из сети Интернет при проведении оперативно-розыскной деятельности в рамках оспариваемых нормативных положений, и считает необходимым привлечение специалиста в данном следственном действии. Трудность заключается в том, что результаты просмотра контента интернет-страниц будущих обвиняемых, осуществляемых органами следствия в начале в досудебном производстве невозможно будет перепроверить на поздних стадиях уголовного процесса.

С учетом изложенного, заявитель просит признать оспариваемые нормативные положения противоречащими Конституции Кыргызской Республики.

Коллегия судей, изучив ходатайство Иманкулова Т.И. и приложенные к нему материалы, заслушав информацию судьи Шаршеналиева Ж.А., проводившего на основании части 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» проверку ходатайства, пришла к следующим выводам.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 19 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» право на обращение в

Конституционный суд принадлежит физическому (физическим) или юридическому (юридическим) лицу, если оно считает, что законами и иными нормативными правовыми актами нарушаются его права и свободы, признаваемые Конституцией.

При этом, пунктом 6 части 4 статьи 27 указанного конституционного Закона установлено, что в обращении должны быть указаны обстоятельства, на которых сторона основывает свое требование, и доказательства, подтверждающие изложенные стороной факты.

Вместе с тем в представленном обращении указанные требования обозначенного конституционного Закона не выполнены. Заявитель не привел обстоятельств, каким именно образом были нарушены его конституционные права и не приложил соответствующие доказательства, подтверждающие нарушение его прав.

Кроме того, в представленном обращении системная связь между оспариваемыми нормами и положениями Конституции Кыргызской Республики подкреплены доводами, связанными с правоприменительной практикой и требуют исследования фактических обстоятельств дела, соответственно их решение относится к компетенции следственных органов и судов общей юрисдикции.

При этом следует принять во внимание, что правовая позиция, связанная с реализацией права на свободу выражения своего мнения была выражена в решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 29 декабря 2014 года, где было отмечено, что реализация права на свободу выражения своего мнения, свободу слова реализуется ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией Кыргызской Республики (часть 4 статьи 31 Конституции Кыргызской Республики) и законами Кыргызской Республики. Такое положение имеет важное значение для поддержания баланса конституционных ценностей прав и свобод личности и ответственности в правовом государстве.

При этом, пользование правом на свободу слова в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах налагает особые обязанности и особую ответственность, а ограничение использования этого права предназначено «для уважения прав и репутации других лиц» (статья 19). Следовательно, честь и достоинство человека является своего рода ограничителем права на свободу слова для случаев злоупотребления этим правом как со стороны представителей средств массовой информации, так и иных субъектов.

Таким образом, доводы заявителя, изложенные в ходатайстве, не могут расцениваться как обстоятельства, вызывающие сомнения в конституционности оспариваемой нормы, которые в соответствии с абзацем вторым статьи 26 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» должны служить основанием для рассмотрения дела в рамках конституционного судопроизводства.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2, пунктами 1, 5 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционной суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайство Иманкулова Тимура Иманкуловича о проверке конституционности нормативных положений части 1 статьи 330 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, выраженных словами «действия, направленные на», «возбуждение межрегиональной вражды (розни)», «унижение национального достоинства», абзаца восьмого пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремисткой деятельности».

2. Возвратить представленные материалы заявителю.

3. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

Ж.А. Шаршеналиев

М.Р. Бобукеева

Л.П. Жумабаев